УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-170-183

Может ли дескриптивная эпистемология спасти Горгия от философской несостоятельности?

М. Н. Вольф

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Предложены содержательный анализ терминов нормативная и дескриптивная эпистемология, трактовки их содержания в современной аналитической философии (W.V.O. Quine, R. Rorty) в контексте их применения для описания античной софистической эпистемологии. Предложено обоснование применения дескриптивной эпистемологии к реалиям античной философии, а именно к софистике Горгия в рамках апроприационистской истории философии. В качестве примера рассматривается софистический поиск, который в зависимости от конечных целей оратора может быть представлен как номадический или как *логос*-навигация, а также соотносится проблема корректного понимания физических и ментальных феноменов и способов корректного указания на них у Рорти и у Горгия. Данные примеры показывают, что применение дескриптивной эпистемологии к античной философии может изменить интерпретационную парадигму софистики и существенно скорректировать взгляд на античную эпистемологию в целом.

Ключевые слова

софистика, Горгий Леонтийский, дескриптивная эпистемология, Рорти, Куайн

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке (проект № РФФИ-ОГН 17-03-00360 «Дескриптивная эпистемология Горгия Леонтийского в контексте философского понимания античной софистики»)

Для цитирования

Вольф М. Н. Может ли дескриптивная эпистемология спасти Горгия от философской несостоятельности? // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 170–183 DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-170-183

© Вольф М. Н., 2019

Could descriptive epistemology save Gorgias from philosophical inconsistency?

M. N. Volf

Abstract

The article offers a meaningful analysis of the terms normative and descriptive epistemology, interpretations of their content in contemporary analytic philosophy (W.V.O. Quine, R. Rorty) in the context of their application to describe the ancient sophistic epistemology. The author substantiates the application of descriptive epistemology to the realities of ancient philosophy, namely, to the sophistry of Gorgias in the framework of the appropriationist history of philosophy. As examples we consider the Sophistic inquiry, which, depending on the speaker's ultimate goals, could be presented as nomadic or as *logos*-navigation, as well as the problem of the correct understanding of physical and mental phenomena and the ways of correctly pointing them out in Rorty and Gorgias. These examples show that the application of descriptive epistemology to ancient philosophy can change the interpretation paradigm of sophistry and significantly adjust the view of ancient epistemology.

Keywords

sophistry, Gorgias of Leontini, descriptive epistemology, Rorty, Quine

Acknowledgements

The research is supported by RFBR (project no. 17-03-00360 «Descriptive epistemology of Gorgias of Leontini in the context of philosophical understanding of ancient sophistry»)

For citation

Volf M. N. Could descriptive epistemology save Gorgias from philosophical inconsistency? *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 170–183 (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-170-183

Античную философию, и соответственно, ее эпистемические теории, если вообще признается, что они были в Античности, принято рассматривать в контексте определенных рациональных стандартов, которые были заданы в классический период, Платоном и Аристотелем. Платон сформулировал необходимые и достаточные условия существования и познания вещей, в качестве базовых оснований для которых выступают эйдосы. В его концепции так называемой «неделимой линии» (*Rep.* VI 509d–511e) представлен принцип «восхождения к идеям», от неподлинного и ложного к истинному. Этот принцип демонстрирует как онтологические уровни существования (два вида зримых и два вида умопостигаемых сущностей) соотносятся с соответствующими познавательными способностями (фантазия, вера, дианоэтическая и ноэтическая способности). Аристотель дополняет эту концепцию понятием эпистемы, подлинного неизменного знания, и закрепляет установленные стандарты абсолютизацией роли принципа непротиворечия как главного критерия истинности. Мы здесь не ставим под сомнение корректность или некорректность такой интерпретации античной

классики, главное то, что в таком виде она вполне соответствует нормативному подходу в эпистемологии, согласно которому рациональными средствами задаются необходимые стандарты познания и демонстрируются условия их выполнения, что в целом приводит к увеличению эпистемической ценности знания – на основании соответствия стандартам все большее и большее количество убеждений и мнений переходит в разряд вечных и незыблемых истин. В принципе такая интерпретация вполне укладывается в обычные представления философов об эпистемологии как о нормативном предприятии. Однако вопросы об истине, ее происхождении и сущности нередко сопровождаются вопросами о природе мнения, вер и т. п., и именно Платон в «Меноне» формулирует подход, на основании которого посредством допущений (метода гипотез) можно показать, что обоснованное мнение может подменять собой в ряде контекстов истину, в противном случае, без такого допущения, знание, а вернее, его получение, становится невозможным [Вольф, 2011; 2013]. Несмотря на это, вопросы, «какова природа наших вер (мнений)», «как у нас возникают те или иные идеи», традиционно находились в ведении психологии или в целом когнитивных наук (таких как нейрофизиология) [Duran, 1984. P. 185]. Проблема заключается в том, что, когда речь заходит об обосновании, в том числе вер или идей, мы должны предоставить решение этих вопросов эпистемологии.

В XX в. традиционная эпистемология переживает две серьезные атаки – со стороны У. В. О. Куайна и Р. Рорти; причем во втором случае это был не столько пересмотр оснований эпистемологии, сколько возражение Куайну. В качестве альтернативы нормативному подходу в эпистемологии У. Куайн формулирует принципы натурализованной эпистемологии, согласно которым на смену традиционной модели познания, отталкивающейся от принципов и оснований математики, приходит модель эпистемологии в ее психологическом облике. Можно сказать, в жесткой борьбе теории познания с эмпирической психологией¹ у Куайна победила психология.

Приведем три цитаты из Куайна, которые позволят нам оттолкнуться от них для дальнейшего уточнения наших конструкций. «Эпистемология, или нечто подобное ей, просто занимает место раздела психологии и, следовательно, естественной науки. Она исследует естественные явления, а именно физический человеческий субъект» [2000б. С. 379]. «Сознательные формы мышления имели приоритет, поскольку обоснование знания о внешнем мире осуществлялось через рациональную реконструкцию и это требовало осознания. Однако мы перестали нуждаться в осознании в тот самый момент, когда оставили все попытки обосновать знание внешнего мира при помощи рациональной реконструкции. Теперь наблюдением можно считать все, что может быть установлено в терминах стимуляции

¹ Ср.: «Что нам нужно знать о познании, чего не может нам сказать психология?» [Рорти, 1997. С. 122].

органов чувств, как бы при этом ни понималось сознание» [Там же. 2000б. С. 380]. «Истина высказывания может быть разложена на два компонента: на лингвистический компонент и фактический компонент. Фактический компонент должен, если мы являемся эмпириками, сводиться к ряду подтверждающих опытов» [Куайн, 2000а. С. 363]. Итак, знание или убеждение – это по сути конструкция, созданная человеком, и потому она существенно зависит от опыта. Однако Куайн ставит лингвистический компонент в прямую зависимость от фактического: истинностное значение высказываний, включая законы логики (которые также являются высказываниями), значительно зависит от опытных данных, что влечет переоценку некоторых высказываний на основании опыта. Куайн объясняет это следующим образом: высказывания, сформировавшие знание, логически взаимосвязаны. Если одно изменилось в силу изменившихся или противоречивых опытных условий, то должно измениться и другое (а следом – и все остальные).

Исходя из этого, натурализованная эпистемология Куайна противопоставлена классической нормативной: если нормативная придерживается определенных стандартов знания, исходит из неизменных критериев истинности, то дескриптивная показывает, как знание приобретается, а ее главный фокус будет направлен на отображение процесса получения или изменения знания. Тем самым вопрос о приобретении вер, и тем более об их обосновании становится непосредственным объектом эпистемологии. Разумеется, Куайн под натурализованной эпистемологией имел в виду нечто иное, чем то, что сейчас подразумевают сторонники дескриптивного подхода, и сам не использовал термин «дескриптивная эпистемология»; его главной задачей было утвердить тезис, что эпистемология лишилась своего старого статуса первой философии, показать отличия в методах изучения действительности в точных и естественных науках, а кроме того, показать, что эпистемология, при корректном рассмотрении ее собственных оснований как оснований наук, оказывается вполне сочетающейся с психологией, лингвистикой и другими когнитивными науками.

Р. Рорти, в свою очередь, высказывает опасения, касающиеся того, что многие рассуждения в современной ему эпистемологии посвящены вовсе не «проблеме ума» и рационального познания, а они прежде всего касаются природы чувственных данных и ее репрезентации в рациональных конструкциях (этому посвящена, например, глава «Личности без умов» [Рорти, 1997. С. 52–96]). Пытаясь, с одной стороны, защитить концепцию Куайна от критиков, а с другой стороны, попутно выставляя собственные контраргументы к его позиции [Там же. С. 134–155], Рорти приходит к выводу, что работа Куайна проясняет, почему ««объяснение природы познания» может быть, самое большее, описанием человеческого поведения» [Там же. С. 134]. Сам же Рорти выходит на вопрос универсальных словарей, на обладание которыми претендует нормативная эпистемология и с которыми

она сверяет все наши практики. По его мнению, никакого универсального привилегированного словаря для наших дескриптивных практик не существует, он гибок и ситуативен.

Оба этих рассуждения послужили базой, от которой смогли оттолкнуться дескриптивные эпистемологи, тем более, что данный подход не просто постулировался как победа психологии, но и действительно оказался крайне тесно связан с когнитивными науками ². К сторонникам такого подхода можно причислить прагматистов, натуралистов, сторонников эволюционной эпистемологии (о которых Куайн в конце своей работы пишет как о тех, кто уже реализует это направление), т. е. фактически сторонников всех тех течений, в которых не требуется описать или задать точные критерии знания, которым мы обладаем, или, иначе, не требуется объяснять, действительно ли является или нет знанием «то, чем мы обладаем». Слово «описательный» в этом контексте также не должно вводить нас в заблуждение, поскольку речь идет о практической стороне получения знания: это указание на такие действия, сопряженные с представлениями о чем-то, которые мы склонны описывать как знание и которые в процессе своего осуществления принесли бы еще больше знания о конкретном феномене, контексте и т. п., в отношении которых совершаются действия. Иными словами, у нас нет готовых критериев знания, но эти критерии создаются и уточняются в процессе его (или того, что мы считаем знанием) применения на практике. По сути, это то, что имел в виду Платон, когда обсуждал свой кейс «дорога в Ларису» в «Меноне» (*Meno* 97a–98c).

Таким образом, если принципы дескриптивной эпистемологии напрямую обращены на процесс обоснования знания, то в этом случае имеется еще одно основание, отличающее ее от нормативной. Нормативный подход подразумевает, что знание обосновано самими базовыми принципами и соответствует определенным стандартам, дескриптивный подразумевает, что обоснованием являются некоторые *процедуры* или *процесс*. Как полагают некоторые, этот процесс касается не только действий, но и вербального ответа на вызов в определенном ситуативном контексте [Duran, 1984. P. 191]. Если сторонник нормативной эпистемологии стремится установить необходимые и достаточные основания или условия для познания [Ibid. P. 188], то дескриптивному эпистемологу, как кажется, будет достаточно обнаружить условия, при которых пример эпистемического обоснования будет вполне убедительным, и фактически это влечет использование в рамках указанных эпистемических подходов двух разных типов модальностей – модальности должного и необходимого и возможного и допустимого. Предполагается также, что в дескриптивной модели обоснованиями условий и принципов познания могут служить речевые акты и высказыва-

² Чем именно способны помочь друг другу когнитивистика и дескриптивная эпистемология, подробно обсуждается в статье: [Duran, 1984].

ния, коль скоро речь идет об убедительности, а «быть убежденным аргументами» подразумевает каузальные установки – «кто-то становится убежденным по причинам, приведенным в аргументах», тем самым каузальные связи, характерные для естественно-научного подхода (еще одно основание для возведения этого подхода к Куайновскому), переносятся и на лингвистический компонент. Если в качестве обоснования знания рассматривать свидетельство, то оно также оказывается сугубо речевым³.

Можно обозначить принципиальные типы действий в рамках обоих подходов. Нормативный подход дает предписания относительно человеческих действий на основании установленных рациональных стандартов, а сами действия как приемлемые или неприемлемые, правильные или неправильные сопоставляются с нормой и одно с другим, исходя из того, как *следовало* и как *не следовало* действовать. Дескриптивный подход описывает актуальные действия людей, то, как люди актуально сиюминутно действуют в заданном контексте, в том числе и особенно – в условиях неполного знания и в отсутствие предустановленных стандартов поведения, норм (морали и пр.).

Все обозначенные выше особенности двух дискурсов имеют важные следствия для теории аргументации, равно как и для риторических и коммуникативных ситуаций. Ясно, что одним из условий убеждения, как и обоснования знания, является аргументация, которая фактически служит инструментом для целей убеждения или обоснования. Соответственно, сами цели мы также можем разделить на дескриптивную и нормативную цель [Eemeren et al., 2014. Р. 7–13]. В рамках первой устанавливаются точка отсчета аргументации и ее направление, посредством чего задаются границы реальности, в рамках которой аргументация разворачивается. Актор в рамках дескриптивного подхода интегрирован в контекст, в котором разворачивается аргументация, и действует изнутри ситуации. Его задача, помимо задания начальной точки, – скреплять слои аргументации, делая их одним целым, устанавливать каузальные связи между ними и тем самым обеспечивать слаженную структуру заданной посредством аргументации версии реальности. Нормативный подход отражает точку зрения внешнего к разворачивающейся аргументации рационального судьи, который судит разумно, поскольку не вовлечен в процесс. «Внешний судья» нормативного подхода устанавливает стандарты для оценки аргументации и ее точки отсчета, дает оценку приемлемости аргументации с позиций конкретных известных ему стандартов; он же дает внешнюю экспертную оценку установленных внутри аргументации связей, рационально оценивает следствия из нее и выносит суждение, является ли ситуация, как и вся заданная аргументами реальность, приемлемой, но не для акторов внутри системы аргументов,

³ См. обсуждение в статье: [Duran, 1984. Р. 192 ff] точки зрения Дж. Сёрля на речевые акты в контексте дескриптивного эпистемического обоснования.

а для внешнего *судьи* с точки зрения соответствия заданным им стандартам. Выступая тем самым в качестве критического теоретика происходящего, он при этом претендует на универсализм и нейтральность выносимых суждений.

Несмотря на то, что сегодня два подхода к эпистемологии существуют вполне равноправно, дескриптивный подход не спешат применять к античной философии. Такой шаг шел бы вразрез с историцистской и контекстуалистской методологией, которая до сих пор наиболее распространена в историко-философском исследовании и настаивает на обращении к тому контексту, в котором создавалась та или иная доктрина (историческое время, язык, социальный и культурный бэкграунд). Именно контекст – критическое отношение Платона и Аристотеля к софистам – заставляет нас соглашаться с тем, что в философском отношении софистика несостоятельна. Нам же кажется, что апроприационистская методология, в соответствии с которой софистика может быть преломлена через призму дескриптивной эпистемологии, позволит скорректировать представления о софистике как недостаточно философичном направлении, которое до сих пор нередко понимается как условно- или квазифилософское, поскольку не соответствует нормативному взгляду на античную философию, заложенному в канон интерпретаций, который сложился не только в связи с оценками Платона и Аристотеля, но и в соответствии с принципами объективизма и универсализма, ставшими доминирующими в связи с картезианским поворотом в философии. Напомним, что апроприационизм (противопоставляемый контекстуализму как варианту историцизма) допускает включение взглядов прошлого в современный контекст и использование современного философского языка и инструментария для интерпретации авторов прошлого, возможность встраивания концепций прошлого в актуальные дискуссии, поскольку для него важно не сохранить устоявшийся канон, а показать, почему те или иные философские доктрины и содержащиеся в них проблемы все еще значимы для современного философского дискурса ⁴.

Ранее мы уже обсуждали возможность интерпретации доктрины Горгия как отвечающей принципам дескриптивной эпистемологии [Вольф, 2016]. Ниже мы намерены привести ряд примеров, которые бы позволили представить философию Горгия как дескриптивную эпистемологию.

Получение и обоснование знания как процесс. Отсутствие базовых стандартов, с которыми искомое знание соотносится.

⁴ Подробнее о двух подходах см.: [Берестов и др., 2019. С. 9–15]. Образцом хрестоматийного спора между апроприационистами и контекстуалистами в отношении интерпретаций софистики может служить спор Э. Скъяппы и Дж. Пулакоса, а также критика обоих подходов Б. Маккомиски, которые подробно обсуждались нами в: [Вольф, 2014. С. 26–30].

Чтобы ответить на вопрос, что имеется в виду под процессуальностью получения знания в отношении софистики, нужно вспомнить, как описываются досократические (дософистические) образцы философствования. Прежде всего, они по большей части монистические – досократики согласно большинству интерпретаций, начиная с Аристотелевской, озабочены созданием монистических концепций или, иначе, поиском единственного первоначала, которое в то же время будет служить единственным принципом объяснения для всего происходящего. При этом ни наличие такого начала, ни его исходно постулируемые свойства как будто не ставятся под сомнение, и именно они и будут являться критерием для признания в качестве первоначала тех или иных объектов, проходящих через достаточно жесткий фильтр исходных условий. Соответственно, мы различили два типа поиска. Эпистемический поиск подразумевает, что мы *уже знаем* некоторые исходные условия или критерии, которые задаются рационально, умом, или *нужно*⁵. Софистический поиск, принципиально отличный от досократического, строится не на актуальном признании некоторых исходных постулатов, а опирается на допущения, что подразумевает признание неполного знания и отсутствие предустановленных стандартов, и предлагает им ряд обоснований, которые, как правило, реализуются как процесс аргументации, т. е. посредством *логоса*. Ярчайшим примером такого поиска является трактат Горгия «О не-сущем», целиком построенный на допущениях и условных конструкциях вида «если бы *x* было, то», при этом *x* принимает все возможные значения, от сущего, не-сущего, того и другого вместе. В нормативной эпистемологии мы ожидали бы однозначных заключений о том, каким образом реализуется истинное существование, и именно так построены аналогичные рассуждения элеатов, тогда как в дескриптивной эпистемологии мы в результате получаем не приращение знания о сущем или приближение его к истине, а ряд скептических затруднений, вытекающих из попытки установить «есть ли *x*», которые фактически ставят под удар и в конечном счете разрушают подход, предложенный элеатами. Иными словами, второй вид поиска реализуется как *апория*, демонстрируя, что попытки провести обоснование предложенным способом заводят в тупик и не имеют позитивных решений, первый же вид поиска, даже если он, например у Зенона, формулируется как *апория*, в итоге работает как *эупория*, иначе говоря, он показывает, при каких способах рассуждений или исходя и каких принятых условий мы не получим корректных решений, и направляет на «истинный

⁵ В частности, обсуждая особенности эпистемического поиска, как он реализован у Аристотеля, мы показали, что хотя поиск и предваряется вопросом «есть ли *x* и *что* оно есть?», но фактически, в его задачи не входит установление бытия самого *x*. Такой поиск нацелен на установление определения, объяснения того, почему с ним происходят те или иные вещи или почему оно обладает теми или иными свойствами. Установление того, что «*x* есть», происходит каким-то иным способом, и в поиск включается в уже готовом виде [Вольф, 2012. С. 174–183].

путь», который не заканчивается тупиком, а, напротив, ведет к получению истинного, хорошо обоснованного знания ⁶.

Софистический поиск можно обозначить как номадический или как *логос-навигацию*. Первый способ иллюстрируется через процесс кочевания от стоянки к стоянке, где каждая стоянка характеризуется как специфический для данного сообщества «концептуальный каркас», несоизмеримый с любым другим. Это подразумевает, что даже принятые в одном сообществе в рамках одного концептуального каркаса стандарты не будут или не смогут служить тем же образом в любом другом сообществе (в качестве примера среди софистов уже Протагор указывает на различие законов в каждом полисе и государстве). Задача риторика / софиста в этих условиях подобрать такой вокабуляр, такой стиль и способ аргументирования, который бы позволил тому сообществу, в котором софист оказался, услышать и принять его аргументы или как минимум его способ их доведения. *Логос-навигация* заключается в лавировании между различными стилями и «разговорами», способности самого оратора переключаться с одного словаря на другой, управлять процессом аргументации, отслеживая реакцию аудитории, выводя весь дискурс в тот «порт», в который необходимо привести строй аргументов ему самому. Ясно, что эти процессы разнятся по целям: номадизм – ориентирование на целевую аудиторию, навигация – достижение собственных целей софиста. В отношении целей речь также оказывается направлена не на конкретное знание, его уточнение или упрочение или донесение, а, что особенно видно на примере жанра речей «на заказ», в котором сам Горгий был непревзойденным мастером, на любое «случайное» знание-«стойбище», которое оказывается в поле зрения. Это позволяет заключить, что конечный интерес софиста заключен в самом логосе, в том, как именно он функционирует, а не в том, что с его помощью требуется выразить одну и только одну заранее предустановленную истину. Этот момент Горгий также предельно ясно отразил в «Похвале Елене».

Акцент на логос и его функционирование подразумевает еще одну особенность процессуального софистического дискурса – нечеткость онтологии. Если сторонники эпистемического поиска заранее придерживаются определенных постулатов относительно существующих объектов в собственной предустановленной картине мира иерархии, то для софистического поиска исходная онтология не важна, она размыта и определяется в рамках актуального рассуждения, задающего реальность. Единственный устойчивый элемент такой конструкции – это исходный тезис, на сохранение которого направлены все усилия. Фактически, любые речи Горгия иллюстрируют такую нечеткость онтологии и размытость стандартов (похвала Елене, которая является для любого грека образцом нечестия; за-

⁶ Подробнее об апории и эупории как способах получения знания на примере «Парменида» Платона см.: [Scolnikov, 2003. Р. 8–9].

щита Паламеда, который бесспорный предатель для любого, кто воспитан в контексте гомеровской культуры; обоснование космополитизма, который нереализуем в рамках характерного для Древней Греции политического устройства и т. д.). Такого рода примеры можно предложить для любого софиста. Они очень хорошо показывают, что нет никакого универсального контекста, никаких базовых фундаментальных принципов (с единственной возможной оговоркой – логос и его принципы функционирования). Любой софистический поиск реализуется в ситуативном многослойном контексте, где все слои могут быть подчинены достижению конкретной цели оратора. В таком случае либо формируется эффект получения знания или повышения его истинности, т. е. создавая иллюзию знания, но этот эффект будет действовать только совокупно с эффектом присутствия (внешний наблюдатель, не вовлеченный в дискурс, достаточно быстро обнаружит те или иные несоответствия каким-либо «стандартам»), либо все рассуждение выводит в скептические тупики, разрушая иллюзию знания.

Принципиальный психологизм эпистемологии Горгия

В главе «Личности без умов», подготавливая почву для критики позиции Куайна, Р. Рорти описывает неких неземных существ, Антиподов, которые не знали, что у них есть умы, поэтому были не в состоянии отличить ментальные состояния от чувственных, и при этом их наука была крайне продвинута в описании и фиксировании неврологических состояний [Рорти, 1997. С. 52–96]. Иными словами, когда землянин говорит, «я чувствую боль», антипод заявлял, что у него стимулируется нервное волокно C-145, а в случае ситуации «я вижу цвет индиго», они говорили «у меня есть нервное состояние C-692». Проблема во взаимопонимании землян и антиподов заключалась в том, совпадает ли феноменальный опыт этих двух рас, действительно ли антиподы испытывают при стимуляции нервных волокон какие-то чувства, это те же самые чувства, как и у землян, или какие-то другие, отличаются или тождественны ощущения «я вижу цвет индиго» и «я чувствую возбуждение C-n пучка», это два разных нервных состояния или одно, два референта под двумя разными описаниями или один и т. д. По сути, за этим фантастическим описанием у Рорти кроется проблема корректного понимания физических и ментальных феноменов и способов корректного указания на них и соотнесения их посредством разных высказываний и проблема описания одной и той же вещи двумя различными способами [Рорти, 1997. С. 52–57]. Для нашего исследования важно то, что в явном виде эту проблему поставил Горгий во второй и третьей частях трактата «О природе», правда, зашел к формулировке этой проблемы с другой стороны, по сути, отождествляя чувственные и ментальные состояния (Горгий рассуждает о τὰ φρονούμενα, что можно собирательно перевести как мен-

тальные состояния, поскольку это одновременно и мыслимое, и ощущаемое, чувствуемое) [Вольф, 2014. С. 148–150, 160–187, 235–238]. Горгий показывает, что у человеческих существ есть одно заблуждение – они полагают, что их ощущения взаимозаменяемы или взаимодополнительны, иначе говоря, если человек видит какой-то объект и при этом слышит звук от объекта, то он полагает, что его знание об объекте более полное и более истинное (видеть оркестр и слышать оркестр). В действительности, у нас нет критерия определить степень корреляции между данными ощущениями, а также какое из ощущений дает нам истину, поскольку то, что слышится, не может быть увидено, и наоборот (мало кто, только следя за руками музыкантов, способен реконструировать звучащую в этот момент музыку при выключенном звуке, равно, только слыша музыку, способен воспроизвести действия каждого из музыкантов). Из этого заблуждения есть одно странное следствие: иллюзию взаимодополнительности феноменального опыта от физических феноменов люди переносят на ментальный опыт и полагают, что теперь услышанный или увиденный каким-либо образом объект может мыслиться. В действительности, полагает Горгий, нет никакой корреляции между слышимым и видимым (говоря языком антиподов Рорти, в этот момент стимулируются разные нервные волокна), и уж тем более не будет корреляции между чувственными и ментальными состояниями. По сути, когда антиподы приходят в замешательство от вопросов землян, они подозревают, что за этими вопросами кроется некоторая категориальная ошибка: «[К]огда их спрашивали, не является ли им их нервное состояние в виде индиго [т. е. стимуляция нервного волокна C-692; в горгиевском рассуждении мы вправе подставить сюда как восприятие звука, которым каждый раз сопровождается просмотр феномена *индиго*, так и ментальное состояние «я знаю, что я сейчас вижу цвет». – М. В.], они отвечали, что определенно это не так – *свет* был цвета индиго – и что вопрос содержал, должно быть, некоторого рода категориальную ошибку» [Рорти, 1997. С. 56]. Так вот, впервые на эту категориальную ошибку обратил внимание Горгий.

Третья часть трактата Горгия целиком посвящена вопросу коммуникации и передачи знания между субъектами. Рорти для ясности иллюстрирует проблему согласования ментальных и физических состояний посредством попыток согласования представлений землян и антиподов, Горгий же показывает, что не нужно быть инопланетянином, чтобы не понимать другого субъекта, поскольку проблема в передаче какого-либо опыта напрямую связана с той самой категориальной ошибкой: изначальным допущением взаимозаменяемости нашего чувственного опыта и возможности его перевода в ментальные состояния. Условно говоря, некто *видит* как искажается лицо другого и *слышит*, как он кричит, и *думает*, что тот *чувствует* боль, поскольку *знает* сам, что такое боль. Теперь перенесем то же самое действие в кинотеатр: некто смотрит на экран и видит, что у актера искажается

лицо и т.д. Это ситуация примерно соответствует ситуации с антиподами: «кажется, что ему кажется, что ему больно (состояние стимуляции пучка Т-435, ответственного за состояние «кажется, что мои С-145-волокна стимулируются» ≈ иначе бы он не сыграл так натуралистично)». Иначе говоря, есть определенная проблема с тем, можем ли мы корректно различить объективные состояния и субъективные представления, и у Горгия эта проблема усложняется еще и тем, что он полагает, что эта проблема приложима не только к субъектам, действующим в разных концептуальных каркасах (антиподы и земляне, которые не имеют аналогов в описании «одних и тех же» феноменов, как например, боль и нервная стимуляция волокон С-п), но она также корректна в отношении одного и того же субъекта – человек воспринимает по-разному теперь и прежде. Другими словами, боль, испытываемая «теперь» – это совершенно иное состояние, чем боль, испытанная «прежде», и по переживаниям, и по интенсивности, и тем более, по ее описанию – вряд ли человек, никогда не испытывавший боли, сможет понять, что это такое только на основании сообщений о боли от другого субъекта. Но проблема у Горгия глубже: он в принципе запрещает иметь тождественные ментальные состояния как у разных субъектов, так и у одного и того же субъекта, просто ссылаясь на закон противоречия: одна и та же вещь не может быть представлена в разных людях в одном и том же состоянии, в противном случае это повлекло бы либо нарушение закона противоречия, либо тождество субъектов восприятия. Аналогичная ситуация с одним и тем же человеком: по той же самой причине он должен воспринимать одни и те же объекты по-разному в зависимости от времени (прежде и теперь) и в зависимости от того, какой способ восприятия (зрение, слух и т. д.) он использует. Таким образом, подводя итог сказанному, хорошо видно, что проблема ментальных состояний и феноменальных свойств, а также различения референтов выражений (у Горгия – проблема логоса как еще одной, несоизмеримой с другими способности восприятия или отражения действительности), решаемая в современной (в том числе прагматистской) эпистемологии Рорти и Куайном, поставлена в качестве серьезного скептического затруднения именно в софистической программе и связана в первую очередь с отсутствием универсальных критериев и общих оснований. Как кажется, в нормативной программе этих затруднений не существовало бы в силу постулирования какого-либо универсального фундаментального базиса для любых концептуальных схем и отсутствия проблемы их несоизмеримости, которая свойственна именно для прагматистского дискурса.

Мы рассмотрели только два аспекта, в рамках которых мы могли бы охарактеризовать софистический способ познания действительности как соответствующий дескриптивной эпистемологии. Важное место в нем занимает также проблема, относящаяся к методу гипотез, поиска по допущениям и связанного с этим подхода к пониманию принципа непротиворечия, ко-

торая в силу своей обширности, требует отдельного рассмотрения, в том числе и потому, что сами сторонники античной нормативной программы, включая Платона, активно используют противоречия как познавательный принцип, прибегая к апориям, парадоксам, проблемам, и зачастую наличие парадокса в тексте или апорийное (апоретическое) рассуждение вызывает у историков философии и философов недоумение, связанное с тем, как интерпретировать такие пассажи. Но уже из сказанного – как из обсуждения общей стилистики софистического философствования, так и из разбора одной частной проблемы – видно, что те проблемы, которые ставятся в софистической философии, отнюдь не являются квазифилософскими, и возврат к ним в XX в. в рамках дескриптивной (натурализованной) эпистемологии порождает весьма обширные и трудные дискуссии, свидетельствуя об их философской состоятельности и актуальности.

Список литературы / References

- Берестов И. В., Вольф М. Н., Доманов О. А.** Аналитическая история философии: методы и исследования. Новосибирск: Офсет ТМ, 2019.
Berestov I. V., Volf M. N., Domanov O. A. Analiticheskaya istoriya filosofii: metody i issledovaniya [Analytic history of philosophy: methods and essays]. Novosibirsk, Ofset TM, 2019. (in Russ).
- Вольф М. Н.** «Менон» и парадокс поиска: интерпретации метода познания // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, № 3. С. 53–60.
Volf M. N. «Menon» i paradoks poiska: interpretatsii metoda poznaniya [“Meno” and the paradox of inquiry: interpretation of the method of cognition]. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2013, vol. 14, no. 3, p. 53–60. (in Russ.)
- Вольф М. Н.** Горгий Леонтийский и античная модель дескриптивной эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 269–280.
Volf M. N. Gorgii Leontiiskii i antichnaya model' deskriptivnoi epistemologii [Gorgias of Leontini and Ancient Greek model of descriptive epistemology]. *Tomsk State University Journal. Philosophy, Sociology and Political Science*, 2016, no. 2 (34). P. 269–280 (in Russ.)
- Вольф М. Н.** Софистика. Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях. Новосибирск, 2014.
Volf M. N. Sofistika. Gorgii Leontiiskii: traktat “O ne-sushhem, ili O prirode” v sovremennyh interpretatsiyah [Sophistry. Gorgias of Leontini: a treatise «On non-being, or On nature» in contemporary interpretations]. 2014. (in Russ.)

- Вольф М. Н.** Философский поиск: Гераклит и Парменид. СПб.: Изд-во РХГА, 2012.
- Volf M. N.** Filosofskii poisk: Geraklit i Parmenid [Philosophical Inquiry: Heraclitus and Parmenides]. St.-Petersburg, RSHA Publ., 2012. (in Russ.)
- Вольф М. Н.** Эпистемический поиск в диалоге Платона «Менон» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4 (16). С. 146–159.
- Volf M. N.** Epistemicheskii poisk v dialoge Platona «Menon» [Epistemic inquiry in Plato's dialogue "Menon"]. *Tomsk State University Journal. Philosophy, Sociology and Political Science*, 2011, no. 4 (16), p. 146–159. (in Russ.)
- Куайн У. В. О.** Две догмы эмпиризма // Куайн У. В. О. Слово и объект: Пер. с англ. М.: Логос, Праксис, 2000а. С. 342–367.
- Quine W. V. O.** Dve dogmy empirizma [Two dogmas of empiricism]. In: Slovo i obyekt [Word and Object]. Moscow, Logos, Praxis, 2000a, p. 342–367. (in Russ.)
- Куайн У. В. О.** Натурализованная эпистемология // Куайн У. В. О. Слово и объект: Пер. с англ. М.: Логос, Праксис, 2000б. С. 368–385.
- Quine W. V. O.** Naturalizovannaya epistemologiya [Epistemology naturalized]. In: Slovo i obyekt [Word and Object]. Moscow, Logos, Praxis, 2000b, p. 368–385. (in Russ.)
- Рорти Р.** Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997.
- Rorty R.** Filosofiya i zerkalo prirody [Philosophy and the Mirror of Nature]. Novosibirsk, 1997. (in Russ.)
- Duran J.** Descriptive epistemology. *Metaphilosophy*, 1984, vol. 15, no. 3–4, p. 185–195.
- Eemeren van F. H., Garssen B., Krabbe E. C. W. et al.** Handbook of Argumentation Theory. New York, London, Springer, 2014.
- Scolnikov S.** Plato's *Parmenides*. Berkeley, Los Angeles, London, Uni. of California Press, 2003.

Материал поступил в редколлегию

Received

23.09.2019

Сведения об авторе / Information about the Authors

Вольф Марина Николаевна, доктор философских наук, директор Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Marina N. Volf, Doctor of Science (Philosophy), Director of Institute, of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

rina.volf@gmail.com